

А.А. Тесля

**«Для влюблённых и друзей расстояние является великим благом»:
о переписке С.Л. Франка и Л. Бинсвангера**

Рецензия на: Переписка С.Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934–1950) /

Ред. колл.: К.М. Антонов (отв. ред.), Г.Е. Аляев, Ф. Буббайер и др.

М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. 960 с.

Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Института образования и гуманитарных наук. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56; e-mail: mestr81@gmail.com

Эссе рассматривает вышедшее в 2021 г. издание переписки С.Л. Франка с Л. Бинсвангером, охватывающей промежуток с 1934 по 1950 гг. Переписка включает более 400 писем (закрытых и открытых) обоих корреспондентов и обнимает обширнейший круг сюжетов: от бытовых вопросов – пребывания Франков сначала в Германии, затем во Франции, а после войны – в Англии, – до разнообразных философских обсуждений. Прежде всего переписка позволяет увидеть формирование и развитие поздних творческих замыслов Франка – его работу над «Непостижимым», «Светом во тьме», «С нами Бог», «Реальностью и человеком», антологией по истории русской мысли. Большой общей темой в общении Франка и Бинсвангера остаётся, с начала и до последних лет, понимание экзистенциальной философии, отношение к философии Хайдеггера – динамическое: от принципиального неприятия Франком как «нигилизма» до большого и сочувственного внимания к «повороту». Обстоятельность обоих собеседников, в случае Франка даже отчасти дневниковый характер переписки, делают её ценнейшим источником для интеллектуальной истории 1930–1940-х гг. и в особенности для изучения международных связей русской эмиграции, многообразия форм взаимодействия и поиска сред, где оно возможно. Все опубликованные тексты (в которые вошли не только письма и открытки Франка и Бинсвангера, но также целый ряд связанных с ними почтовых сообщений, в частности переписка Бинсвангера с сыном С.Л. Франка, Виктором, во время предсмертной болезни философа и сразу же после кончины) даны на языке оригиналов (преимущественно немецком) и в русском переводе. Обстоятельная вступительная статья и подробный комментарий обращают издание ещё и в род «документальной биографии» последних шестнадцати лет жизни С.Л. Франка.

Ключевые слова: интербеллум, история русской философии, русская эмиграция, свободное богословие, христианский платонизм

Для цитирования: Тесля А.А. «Для влюблённых и друзей расстояние является великим благом»: о переписке С.Л. Франка и Л. Бинсвангера. Рецензия на: Переписка С.Л. Франка

и Л. Бинсвангера (1934–1950) / Ред. колл.: К.М. Антонов (отв. ред.), Г.Е. Аляев, Ф. Буббайер и др. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. 960 с.

«Как странно, что в письменно-эпистолярном общении можно быть более откровенным, чем в личном общении. Для влюблённых и друзей расстояние является великим благом, поскольку только тогда они могут по-настоящему выговориться, и требуется особенное чувство такта, чтобы при последующем свидании опять молчать о том, о чём мы открыто высказывались в эпистолярной» (Франк – Бинсвангеру, 15.XII.1936, с. 205).

«Вы единственный человек из всех, встречавшихся мне в жизни, у которого учение, сущность и жизнь образуют полное единство. Поэтому Вы занимаете в моей жизни особое место, а наша дружба для меня есть нечто абсолютно уникальное» (Бинсвангер – Франку, 23.IV.1942, с. 540).

«В истинной дружбе заключена какая-то не-схватываемая предопределённость, так же как и в истинной любви... В своей жизни я испытал две таких истинных дружбы, которые основывались на таинственном родстве душ и внутреннем притяжении: первая дружба, начавшаяся с моей юности и прошедшая через всю мою жизнь, – дружба с умершим великим русским мыслителем и духовным борцом Петром Струве (эта дружба теперь перешла на наших детей); и вторая дружба – дружба с Вами. В обоих случаях сущностное – это чувство глубочайшей внутренней духовной солидарности, несмотря на всевозможные различия во мнениях и на большую разницу характеров и душевного устройства. Это даёт осчастливливающее, истинное “Мы-чувство”» (Франк – Бинсвангеру, 5.IX.1945, с. 767).

Переписка С.Л. Франка (1877–1950) и Л. Бинсвангера (1881–1966) примечательна по многим основаниям. Во-первых, это очень большой эпистолярный комплекс, насчитывающий за шестнадцать с небольшим лет общения более четырёхсот писем и открыток. Для двадцатого века, интеллектуальной истории русской эмиграции, это само по себе редкое по объёму и плотности собрание. При этом, разумеется, важен не только объём, но и интеллектуальная, и житейская плотности общения, близость собеседников. И это переводит нас ко второй особенности данной переписки – одному из немногих случаев интенсивного, долговременного, глубокого и оставшегося зафиксированным на бумаге интеллектуального общения одного из ведущих русских философов с выдающимся швейцарским интеллектуалом, создателем оригинальной версии психоанализа на основе экзистенциальной философии. В-третьих, общение их приходится, пожалуй, на самые тяжёлые и беспокойные годы европейской истории – и если положение Бинсвангера твёрдо и благополучно, он довольно богат, успешен и уважаем в немецкой Швейцарии, то жизнь Франка – отражение этих смутных времён тем, кто может ощутить их весьма непосредственно.

Они познакомятся в Амстердаме, 1 ноября 1934 г., когда Франк придёт на лекцию Бинсвангера о «Гераклитовом понятии человека»¹, – и уже тогда жизнь его

¹ Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под. ред. прот. В.В. Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 25; о пребывании Франка в Голландии см.: Цыганков А.С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М., 2020.

в Германии, относительно наладившаяся на рубеже 1920–1930-х гг., будет разрушаться на глазах. Их переписка, начавшаяся почти сразу же после встречи в Амстердаме, продлится до самой смерти Франка в 1950 г., – и значительная её часть будет отведена его житейским делам, попросту: попыткам найти где-то место, где можно приютиться на длительный срок, не говоря уже о мечте о доме; надежде не на прочный заработок, а хотя бы на небольшое облегчение тягот (ведь после потери Франком места в Берлинском университете основным источником семейного дохода сделаются скромные заработки жены). И здесь поддержка Бинсвангера окажется неоценимой: он не только бережно и тактично постарается, например, обеспечить у себя в санатории отдых для стареющего и бесконечно нервного, взволнованно-утомлённого философа, не только будет одалживать ему в сложных ситуациях деньги (и груз долгов будет, в свою очередь, висеть над Франком и тяготить его до самой смерти), но и лишь год с небольшим спустя после знакомства скрыто организует ему, по инициативе друзей семьи Франка, из собственных средств, поддержку, не говоря об организации гонорарных лекций, тоже бывших формой и обеспечить философу столь необходимый отдых, и помочь деньгами. На первую просьбу о помощи Франку, отправленную М.М. Гуревич, подругой семьи, Бинсвангеру (письмо от 27.XII.1935, с. 129–131), адресат сразу же откликнулся: «Я весьма признателен Вам за то, что Вы открыли мне положение нашего общего друга. Я уже давно задавал себе вопрос, на что он, собственно, живёт, однако не представлял себе его положения таким катастрофическим» (письмо от 31.XII.1935, с. 131). Эта сторона отношений, занимающая в текстах писем довольно много места, важна не только с точки зрения понимания ситуации, житейских реалий, но и понимания духа собеседников, когда житейский обиход приоткрывает не только душевное, но и духовное.

Наибольшая интеллектуальная интенсивность переписки приходится на последние предвоенные годы. Во время войны сугубо житейское и сложности переправки писем, как и то, что отправляемые «общим» образом попадают под цензуру, осложняют общение, – но в преодолении сближают, рождая (по крайней мере, у Франка) ощущение новой близости, ожидания встречи, – которая зримо разочарует обоих. После лондонского свидания в отношениях собеседников чувствуется явное утомление друг от друга, потеря общих тем. Теперь многое говорится из вежливости, ответные письма задерживаются: для них обоих это бремя, они осознают и признают важность отношений, значение друг друга, но это уже преимущественно «головное» признание и долг вежливости, а не живой порыв. Только в самый последний момент переписка переживает новый взлёт, – обусловленный последней болезнью Франка, который довольно отчётливо понимает, что с ним происходит, и одновременно понимает и принимает желание близких, прежде всего жены, пытаться скрыть от него его настоящее положение. Так видится линия их отношений в последовательном движении, – но как раз целое открывает и другое, глубокую близость, идущую в том числе и поверх эмпирическим переменам. Уже в первом письме к Бинсвангеру (от 30.XI.1934) Франк жалуется на своё интеллектуальное одиночество: «Последние годы, если не считать поездок с докладами, я живу довольно одиноко, Берлин для меня – пустыня, в которой я живу подобно отшельнику; после смерти Макса Шелера, с которым я в последние годы его жизни находился в оживлённом духовном общении, у меня почти нет тесных и плодотворных связей с немецкими философами» (стр. 68)². В лице швейцарского психолога и психиатра

² Ср. ещё более ранние аналогичные переживания Франка берлинского периода в его переписке с Н.А. Бердяевым: Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М., 2023.

он найдёт столь нечастую и вообще в жизни возможность разделить свои глубокие устремления: обретёт возможность разговора по существу и заинтересованного читателя, который с интересом будет следить за вызревaniem всё новых идей и планов Франка и делиться с ним своими.

Философские темы и сюжеты сосредоточены в первую очередь вокруг книг – пишущихся или так и оставшихся лишь задуманными. Хронологически переписка охватывает подготовку и издание Франком своей основной философской работы, «Непостижимое» (рус. изд. 1939 г., первоначальный немецкий вариант текста планируется к изданию в осуществляемом в наши дни Полном собрании сочинений философа, ПСТГУ), а следом – книг, которые уже пишутся вне прямого расчёта и даже ясной надежды на публикацию: «Свет во тьме», «С нами Бог» и «Реальность и человек» (из которых при жизни Франка выйдет только «Свет во тьме», в парижской УМСА-Press, накануне его кончины, в 1949 г.). О работе над «Непостижимым» Франк сообщал, например, в письме к Бинсвангеру от 20.VIII.1935: «Не знаю, что даст книга другим, мне же самому работа над ней приносит счастливые мгновения радости творчества, и это хорошо уже само по себе» (с. 115).

Франк пытается глубже заинтересовать Бинсвангера русской культурой³, – и тот во многом откликается на это стремление. Уже в письме от 19.IX.1935 он не только упоминает Гоголя, Пушкина и Толстого, но пишет:

И в иной связи я опосредованно общался с Вами, например... через «Воспоминания»⁴ и «С того берега» Герцена. «Воспоминания» оставили у меня большее впечатление, чем последнее произведение, где он очень часто повторяется. Порой мне прямо казалось, будто я читаю Ницше: как по форме, так и по содержанию. Известно ли что-нибудь аутентичное о чтении Ницше Герцена⁵? Помимо содержания, мне очень понравился и писатель Герцен, особенно в 1-м томе (с. 119).

Кстати, Герцен для Франка – автор, «вошедший в плоть», образы и цитаты из которого всплывают произвольно. Например, в одном из наиболее лирических писем Бинсвангеру, заговорив о дружбе, он вспоминает именно Герцена, при этом сразу же переправляя его, обращаясь с ним как с постоянным, ближайшим собеседником: «Если Герцен говорит, что юношеская дружба имеет не меньшее значение в человеческой жизни, чем первая любовь, то это относится мне, ко всякой истинной дружбе» (письмо от 5.IX.1945, с. 767). Переписка открывает многое о круге культурных интересов, преимущественно чтении (а в годы войны – и музыке). Так, обращаясь к работе Бинсвангера над феноменом любви, Франк отзывается на вопрос собеседника о Голсуорси и пишет:

³ Так, посылая ему свою рецензию на немецкий перевод пушкинской драматургии, Франк писал: «При широте Ваших духовных интересов мне хотелось бы заинтересовать Вас и Пушкиным. Может быть, во время чтения моей заметки Вы получите хоть какое-то представление о значимости этого ума; одной из целей моей жизни является пропаганда Пушкина, и сознаюсь, что рискую при этом стать навязчивым» (письмо от 20.VIII.1935, с. 115), – в это время у Франка формируется замысел книги о Пушкине, который он безуспешно попытается предложить УМСА-Press (см., в частности, с. 128, письмо Бинсвангеру от 7.I.1936, а также: Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М., 2023. С. 128; письмо Н.А. Бердяева С.Л. Франку от 12.II.1936). В итоге авторский замысел будет частично реализован в посмертном сборнике «Этюды о Пушкине» (1957) (см. переиздание: Франк С.Л. Этюды о Пушкине / Предисл. Д.С. Лихачева. М., 1999).

⁴ Имеются в виду «Былое и думы» Герцена, зачастую определяемые для краткости (с существенной долей неточности) как «воспоминания».

⁵ См. на эту тему, в частности: Перцев А.В. Фридрих Ницше у себя дома. Опыт реконструкции жизненного мира. СПб., 2009.

...Вы должны были почувствовать, насколько глубоко и в каком интегральном единстве Голсуорси постигает любовь. Был бы очень рад, если бы Вы нашли время прочитывать «Сагу о Форсайтах». Я считаю эту книгу поистине гениальной в изображении как конвенционального в жизни, так и в истинной жизненной субстанции в любви (письмо от 28.VIII.1936, с. 194).

Книги Франка последнего десятилетия довольно сильно отличаются от его работ 1910–1930-х гг. (настолько, насколько это вообще можно сказать о творчестве Франка, отличающемся редким в русской интеллектуальной традиции тематическим единством и последовательностью, отчётливым и вполне реализуемым стремлением к системности). И это своеобразие рефлексивируется самим автором. В письме Бинсвангеру от 6.IV.1940 Франк делился замыслом начатой работы над «Светом во тьме»:

Сам я работаю трудно и медленно над своей книгой – именно потому что стремлюсь написать её очень легко, в известной степени «метафилософски». Не желая ничего доказывать абстрактно (потому что здесь нечего и доказывать), избегая всякой казуистики, совершенно просто описывать проблематику, просто подлежащую как реальность, – самое трудное для моего схоластико-философского темперамента. Я не могу достичь этого непосредственно и прямым путём – вынужден тяжело трудиться и преодолевать себя. Но в конце концов, эта работа остаётся единственным, что утешает меня и придаёт смысл моей жизни. Я полагаю, что во всяком случае затеял нечто существенное, а именно: зафиксировать «веру» человека нашей трагической эпохи в её существенном отличии от «веры» или мирозерцания 19 столетия, которые в своей юности имели я и люди моего поколения» (с. 388).

Надеясь опубликовать новую книгу на английском, чтобы она получила доступ к читающей публике⁶, Франк вновь обращается, застигнутый работой над кратким изложением содержания, к её общей характеристике в письме от 24.IV.1941:

Итак, эта книга совсем иная, чем всё, что я писал до сих пор, по крайней мере в форме книг. Это не философская система, но исповедальный труд и сообщение о результатах моего жизненного опыта. Поскольку сущностно речь идёт о проблеме мирового бедствия, зла и правильном к ней отношении и поскольку в этой области всякое желание объяснений, по-моему, не только невозможно, но даже неправомерно (что я и старался показать в «Непостижимом»), то я сознательно отказываюсь от всякого философского объяснения и ограничиваюсь чистым описанием и констатацией, фиксацией содержания опыта – как внутреннего (религиозного) опыта, так и внешнего жизненного опыта (уроков пережитой 40-летней бурной и поучительной истории). Но поскольку я всё же являюсь человеком мысли, то книга получает внешний вид богословского течения мысли – как бы против моей воли и к моему собственному стыду. Ибо я не только не являюсь богословом фактически, по своему образованию, будучи в этой области не более чем дилетантом, – но и не хочу им быть. Всякое «научное», т.е. понятийное богословие по своей сути находится для меня под подозрением быть фарисейством. Но делая попытку сформулировать результаты чистого опыта (внешнего и внутреннего), я совершенно произвольно привожу богословский аргумент, и чем глубже постигаю проблемы, тем ближе сближаюсь с некоторыми основными мотивами традиционного христианского богословия. Так я пришёл к тому, чтобы в конце жизни подвести итог своего жизненного опыта в виде формулировки основ христианской веры (разумеется, при полном соблюдении свободы религиозной мысли)» (с. 460–461).

⁶ Эмигрантские издания Франк, как, например, и Бердяев, уже по крайней мере с 1930-х гг. рассматривает как в лучшем случае «работу на будущее», полагая, что никакой адекватной аудитории для этих книг на русском на тот момент нет и печатание делается больше в надежде на «будущего читателя», чтобы сказанное не потерялось, – не говоря, конечно, о соображениях привычки и определённого житейского плана.

Осознание этой проблемы – «внешнего вида» книги, противоречащего (по крайней мере, на первый взгляд) тому, что стремился передать Франк, – и вызовет, видимо, намеренную резкость предисловия как жеста размежевания:

Почти непроходимая бездна отделяет в наше время живые борения человеческого духа, искание выхода из бедствий и спасения от опасностей, жажду религиозного понимания жизни среди обездушенного мира современной и оправданного современной моралью человеческого своеволия – от прочного, замкнутого в себе мира понятий традиционного богословия. Богословские учения витают обычно вне жизни, а жизнь идёт мимо них, презрительно их игнорируя; живые встречи между ними лишь редкое исключение... Можно восхищаться грандиозностью и стройностью богословско-философской системы Фомы Аквинского, этим высшим выражением средневековой христианской мудрости; но – хотя отдельные её мысли остаются и верными, и нужными для нас – использовать её как целое для нашей жизни так же невозможно, как заменить готическим собором наши нынешние жилые дома и фабрики⁷.

Оказавшись – во многом во взаимосвязи событий – в промежутке между работами, оконченной и ещё не начатой, и в «промежуточном» военном состоянии, без всякой определённости относительно будущего, и в сгущающейся тревоге, полной гибели всерьёз, Франк в эти месяцы вновь и вновь обращается к обобщённым формулировкам своих философских воззрений, подводя итог. В письме от 16.V.1941 он пишет из Лаванду (Lavandou):

Весь жизненный опыт в конечном счёте всё же второстепенен, в лучшем случае он лишь помогает вызывать внутреннюю интуицию... Моя философско-метафизическая интуиция состоит (и всегда состояла) в соединении платоновского дуализма потустороннего и посустороннего, внутренней духовной реальности и эмпирически-рациональной действительности (что в "Connaissance de l'Être"⁸ предстаёт как дуализм интуитивного и понятийного знания, а сейчас – как дуализм «Царства Божьего» и «мира сего») с панентеистическим мотивом (в своей юности я был восторженным спинозистом), согласно которому и всё посустороннее в своей коренной сущности является не чем иным, как откровением потустороннего в его инаковости; выражаясь религиозно: Бог не только трансцендентен, но также имманентен творению, – это основа, в которой укоренено всё конкретное. Этически отсюда следует уважение ко всякой конкретной реальности и отказ от утопического намерения построить совсем новый и якобы более совершенный мир с помощью рационального планирования. Я чувствую, что достижением моей последней книги является как раз конкретное этическое применение моих основных метафизических принципов (чего до сих пор в моём творчестве не было (с. 466).

Уже на исходе 1940 г., после поражения Франции, оказавшись на территории, контролируемой правительством Виши, Франк писал Бинсвангеру, окончив «Свет во тьме»⁹:

После завершения своей работы ощущаю свою жизнь какой-то опустошённой и бессодержательной. Темы для работы у меня бы ещё нашлись – уже давно витает передо мной тема «Философия слова», взаимоувязанная с глубочайшими проблемами

⁷ Франк С.Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Париж, 1949. С. 11–12.

⁸ Французский перевод первой большой философской монографии Франка, задуманной как часть трилогии, «Предмет знания» (1915).

⁹ Франк не вернётся к этой книге уже после войны, заметив в первых словах предисловия: «Предлагаемое размышление было задумано ещё до начала войны и первоначально написано в первый год войны, когда ещё нельзя было предвидеть весь размер и всё значение разнужданных ею демонических сил. Позднейшие события ни в чём не изменили моих мыслей, а скорее только укрепили и углубили их. Но после всего пережитого за эти страшные годы, надо было выразить их в совсем других словах; и рукопись была поэтому довольно радикально переработана после конца войны» (Франк С.Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Париж, 1949. С. 9).

метафизики («внутренним» и «внешним», воплощением духа и т.д.); но для этого нужна была бы возможность пользоваться книгами (письмо от 30.XI.1940, с. 425).

Эта мысль не будет его оставлять, 26.IV.1942 он пишет: «Мне ещё мерещится “Философия слова” – тема, которая давно пленяет меня, потому что, как мне кажется, она находится в связи с последними тайнами бытия (тайна “выражения”, воплощения духа!). Но для этого нужно не только много сил, но и много книг, и всё это остаётся лишь пустыми мечтами» (с. 542–543).

Эти сюжеты отчасти разовьются (в иной перспективе) в его последней книге, «Реальность и человек», опубликованной уже посмертно, и замысел которой он передавал своему швейцарскому собеседнику следующим образом: «...попытка привести проблему человеческой “экзистенции” (тема “экзистенциальной философии”) в синтез с истинной метафизикой, с *philosophia perennis* (что для меня означает христианский платонизм¹⁰)» (письмо от XII.1947, с. 856, ср. также письмо от 30.IX.1947, с. 849).

Но если философия языка осталась по существу в числе тем потенциальных, то во время войны, оказавшись во Франции и под угрозой ареста и высылки в немецкие лагеря как еврея, Франк сосредотачивается на новой теме, находя в работе над ней утешение посреди кошмарной реальности. Книга, которая в дальнейшем получит название «С нами Бог», довольно долгое время не имеет заглавия, кроме описательного: так, 30.X.1941 Франк сообщает Бинсвангеру: «Усердно продолжаю писать свои “Reflexions et Confessions” в области религиозной философии» (письмо от 30.X.1941). Сыну Виктору он пишет 11.XI.1941:

Меня прорвало – я пишу и пишу без конца – отчасти, вероятно, от того, что больше делать нечего, настоящих книг, чтобы изучать что-нибудь, нет, а отчасти как-то в предвидении конца хочется высказать всё, что надумал и прочувствовал. Моя книга «Свет во тьме» написана гораздо живее, доступнее, чем все прежние работы, а то, что я пишу сейчас, – ещё живее и есть нечто вроде исповедания веры. Только под старость я обрёл простую и живую истину и научился (или стараюсь) писать, как пишут одарённые англичане – то, что нужно для жизни, и так, что самое глубокое совпадает с итогом «здорового смысла». То, что я теперь пишу, я даже ещё никак не назвал; это – три больших (разбитых на много глав) размышления: 1) что такое вера, 2) парадоксальная правда христианства, 3) осуществление правды. Если бы не было слишком претенциозно, то всё вместе можно было бы назвать «В чём моя вера?» (с. 498).

А уже 1.XII.1941 на ту же тему Бинсвангеру:

Всё это разрастается – вопреки моей воле – в довольно толстую книгу и становится – тоже вопреки моей воле, произвольно, как бы под давлением вдохновения – чем-то богословиеподобным. Но они должны носить характер совершенно сокровенно-личных, исповедальных размышлений. Подзаголовок будет звучать так: «Размышления и исповедания». Либо я в своём возрасте становлюсь безответственно-болтлив, либо работа удаётся мне объективно лучше, чем раньше, но писание идёт быстро и без напряжения и приносит мне самому удовлетворение. При этом я не имею представления, можно ли будет и когда это опубликовать, и для кого я это пишу – скорее всего, видимо, как духовное завещание для моих детей (все трое из моих отсутствующих детей, каждый по-своему, сокровенно родственны мне по духу) (с. 501).

Характеризуя своё умонастроение в эти годы, Франк пишет 18.II.1944:

Перед ужасами настоящей жизни и чувством близости собственной смерти, я занимаюсь внутренней работой над духовной жизнью, и все абстрактные теории (включая

¹⁰ Кстати, говоря совсем о попутном, касаясь одного из современных романов, Франк неожиданно замечает об «опасности всякого платонизма», т.е. о присущей ему опасной стороне, выражающейся во впадении «в духовное высокомерие, в ложный духовный аристократизм» (письмо от 26.VII.1937, с. 259).

мою собственную) кажутся мне чем-то детским. Я думаю, что я успел сделать значимые вещи в этой области после того, как отправил Вам свои размышления¹¹. Мой гид – в первую очередь Паскаль... Вы спрашиваете моё мнение о Платоне. Было время, когда мне особенно нравились абстрактные диалоги, такие как Софист и Парменид. В настоящее время я ценю Платона в первую очередь в религиозном жанре в Пире, Федре и Федоне (с. 714).

А год спустя, уже после окончания войны в Европе, отмечает в письме от 25.V.1945: «Духовно я только сейчас, по окончании войны, чувствую, в каком чувственном напряжении я жил все эти годы, и следствие этого нынешняя реакция. Сейчас я чувствую, что моей жизни и моему творчеству вместе с тем подходит итог. Начинающаяся новая мировая эпоха принадлежит уже другому поколению» (с. 753).

Позволим себе попутно заметить, что нарастание непосредственно-религиозных тем и сюжетов, сдвиг проблематики последних работ Франка, переход от философии к своеобразному «свободному богословию» имеют ещё и институциональный аспект. На протяжении 1910–1930-х гг. Франк так или иначе мыслит себя в академическом пространстве, в том числе и после вынужденного переезда во Францию, где пытается добиться правительственной стипендии на научные исследования (эпизод, обстоятельно отражённый и в разбираемой переписке, и недавно опубликованной переписке Франка с Бердяевым). Академические перспективы, целиком утраченные с рубежа 1930–1940-х гг., дают ему своеобразную свободу более не быть стеснённым в попытке придать своим интуициям принудительную общеобязательность, апеллировать к философскому сообществу (связи с которым ослабевали в 1920–1930-е гг., но не прерывались вполне). В этом плане путь Франка представляется ещё и типическим для многих мыслителей первой русской эмиграции, – с их длительным сохранением академической конвенциональности в трудах, надеждами обрести своё место в существующем или выстраиваемом вновь университетском пространстве, а затем переходом к «свободному богословскому», даже не как к поиску новой аудитории, а избавлению от внешнего ограничителя, утратившего свой смысл – и с сохранением лишь тех из конвенций, которые имеют смысл для тебя самого, а не принимаются сугубо ради возможности поддерживать коммуникацию.

Об идеях Бинсвангера эта переписка скажет читателю намного меньше, – он намного реже делится с Франком своими собственными задумками, планами работ, выступая в первую очередь в роли внимательного читателя (и ещё более внимательного читателя отзывов Франка о своих опубликованных работах, – поскольку, в отличие от собеседника, у него не было проблем с доступом к читателю). В одном из писем Франк прямо просит Бинсвангера об отзыве, интересуясь его мнением по поводу французского перевода «Предмета знания»:

Смею надеяться, что, дойдя однажды до чтения моей книги, Вы сами испытаете желание и выговориться о ней, и заранее совершенно особенно рад этому предстоящему событию. Кстати, я никогда не смогу считать Вас дилетантом в философии, напротив, Вы обладаете тем большим преимуществом, что для Вас философия покоится на фундаменте конкретных знаний (письмо от 2.VII.1937, с. 254).

И Бинсвангер неизменно откликается, соблюдая старый эпистолярный этикет, отвечая на все темы полученных писем, – «очищая их», говоря языком позапрошлого столетия. Он редко инициирует новые темы, но постоянно внимателен к сказанному его собеседником, – и этот дар или навык умного, а временами и мудрого слушателя – один из даров дружбы.

¹¹ Имеются в виду отправленные Франком Бинсвангеру в 1942 г. «Религиозные размышления», первоначально предназначенные для публикации, но затем отозванные автором.

Характеризуя издание в целом, нельзя не отметить обстоятельность и глубину комментария, охватывающего сюжеты от бытовой, семейной истории (правда, преимущественно Франка) до ценных комментариев, проясняющих философские сюжеты переписки. Комментарий умело балансирует между избыточностью и сосредоточенностью сугубо на реалиях, не обращаясь в самодостаточный текст, а неизменно служа лучшему пониманию комментируемых писем, – то есть идеально соответствуя своему назначению¹².

Список литературы

Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 296 с.

Переписка С.Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934–1950) / Ред. колл.: К.М. Антонов (отв. ред.), Г.Е. Аляев, Ф. Буббайер и др. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. 960 с.

Перцев А.В. Фридрих Ницше у себя дома. Опыт реконструкции жизненного мира. СПб.: Владимир Даль, 2009. 480 с.

Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под. ред. прот. В.В. Зеньковского. Мюнхен, 1954. 192 с.

Франк С.Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMCA-Press, 1949. 402 с.

Франк С.Л. Этюды о Пушкине / Предисл. Д.С. Лихачева. М.: Согласие, 1999. 178 с.

Цыганков А.С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2020. 336 с.

“For Lovers and Friends, Distance is a Great Boon”.

On the Correspondence Between S.L. Frank and L. Binswanger.

Review on: The Correspondence Between S.L. Frank and L. Binswanger

(1934–1950), ed. by K.M. Antonov, G.E. Alyaev, F. Bubbaier et al.

Moscow: St. Tikhon Orthodox Un. Press, 2021. 960 p.

Andrey A. Teslya – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow, Scientific Director of Research Center for Russian Thought. Institute for Humanities. Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksander Nevskii Str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail: mestr81@gmail.com

The essay examines the 2021 edition of S.L. Frank’s correspondence with L. Binswanger, covering the period from 1934 to 1950. This correspondence includes more than 400 letters, both closed and open, from both correspondents, and covers a wide range of topics, including everyday issues, the Franks’ stay in Germany and France, and, after the war, in England, as well as various philosophical discussions. First and foremost, the correspondence allows us to witness the formation and development of Frank’s later creative ideas, such as his works on “The Incomprehensible”, “Light in Darkness”, “God with Us”, and “Reality and Man”. Additionally, an anthology on the history of Russian thought was also produced during this time. A significant common theme throughout Frank and Binswanger’s communication from the beginning until the end is the understanding of existential philosophy. Their attitude towards Heidegger’s philosophy evolved over time, from Frank’s initial rejection of it as “nihilism”, to a greater and more sympathetic appreciation of the “turn” towards it. The thoroughness of both interlocutors, and in Frank’s case, the diary nature of the correspondence, makes the correspondence a valuable source for the intellectual

¹² Комментарии подготовлены Г.Е. Аляевым, А.А. Гапоненковым и Т.Н. Резвых при участии К.М. Антонова, А.С. Цыганкова и В.В. Янцена, общий же контекст переписки задаётся обстоятельным предисловием, принадлежащим редакционной коллегии в целом.

history of the 1930s-40s, and especially for studying the international relations of Russian emigration. The variety of forms of interaction and the search for environments are also explored. All published texts, which include not only letters and postcards from Frank and Binswanger but also a number of related messages, particularly Binswanger's correspondence with S.L. Frank's son Victor during the philosopher's final illness and immediately after his death, are presented in the original language (mostly German) and Russian translation. The publication also serves as a kind of "documentary biography" for S.L. Frank in the last sixteen years of his life, thanks to the detailed introductory article and commentary.

Keywords: Interbellum, the History of Russian philosophy, Russian emigration, free theology, Christian Platonism

For citation: Teslya, A.A. "Dlya vlyublennykh i druzei rasstoyaniye yavlyetsya velikim blagom". O perepiske S.L. Franka i L. Binswanger ["For Lovers and Friend, Distance is a Great Boon". On the Correspondence Between S.L. Frank and L. Binswanger. Review on: The Correspondence Between S.L. Frank and L. Binswanger (1934–1950), ed. by K.M. Antonov, G.E. Alyaev, F. Bubbaier et al. Moscow: St. Tikhon Orthodox Un. Press, 2021. 960 p.], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 3, pp. 117–126. (In Russian)

References

Frank, S.L. *Etyudy o Pushkine* [Etudes on Pushkin], pref. by D.S. Likhachev. Moscow: Soglasie Publ., 1999. 178 p. (In Russian)

Frank, S.L. *Svet vo t'me: Opyt khristianskoi etiki i sotsial'noi filosofii* [Light in the Dark: The Experience of Christian Ethics and Social Philosophy]. Paris: YMCA-Press, 1949. 402 p. (In Russian)

Nikolai Berdyaev: epistolarnyi razgovor. Arkhivnye materialy [Nikolai Berdyaev: Epistolary Conversation], ed. by T. Shchedrina, comm. by A.A. Gaponenkova, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2023. 296 p. (In Russian)

Perepiska S.L. Franka i L. Binswanger (1934–1950) [The Correspondence Between S.L. Frank and L. Binswanger (1934–1950)], ed. by K.M. Antonov, G.E. Alyaev, F. Bubbaier et al. Moscow: St. Tikhon Orthodox Un. Press, 2021. 960 p. (In Russian)

Pertsev, A.V. *Fridrikh Nitsse u sebya doma. Opyt rekonstruktsii zhiznennogo mira* [Friedrich Nietzsche at Home. Experience of Reconstruction of the Life World. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2009. 480 p. (In Russian)

Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka [A Collection Dedicated to the Memory of Semyon Ludvigovich Frank], ed. by archpriest V.V. Zenkovsky. München, 1954. 192 p. (In Russian)

Tsygankov, A.S., Obolevich, T. *Gollandskii epizod v filosofskoi biografii S.L. Franka (novye materialy)* [Holland episode in S.L. Frank's philosophical biography]. Moscow: IPh RAS Publ., 2020. 336 p. (In Russian)